

Глава Первая

«Ну что за раздолбай?» — подумал Саня Евлантьев, глядя на себя в зеркало.

Облик человека в зеркале говорил о его предрасположенности к невезению. Нет, своей внешностью Евлантьев был доволен, но вот невезуха, действительно, вцепилась в него мертвой хваткой.

Саня чувствовал себя австралийским ленивцем, которого много лет назад запрягли в упряжку вместо тягловой лошади и заставили везти тяжелую повозку неизвестно зачем и неизвестно куда.

Евлантьев любил только две вещи: отдых и длительный отдых. И если первое в России для обычного человека было явлением, хоть и прозрачным, но все же существующим, то второе являлось квинтэссенцией легенд и бабушкиных сказок. Зато вещей, которые Саня не любил, было гораздо больше.

Это и маленькая зарплата, и постоянная нехватка денег, и отсутствие еды в холодильнике,

и вечный дождь за окном, и дебилы в телевизоре, обсуждающие с утра до ночи Украину, и сосед сверху, который каждое утро занимается личной жизнью со своей дрелью, и теснота квартиры, и вечно садящийся аккумулятор телефона, и постоянная реклама в плейлисте, и даже тот факт, что каждое утро нужно идти на работу, хотя работа, в виде исключения, могла бы и сама прийти.

Много лет назад Конфуций изволил сказать: «Счастье — это когда тебя понимают, большое счастье — это когда тебя любят, настоящее счастье — это когда любишь ты». Саню Евлантьева никто не понимал, никто не любил, да и сам он не испытывал к людям особой симпатии, поэтому все указывало на то, что он должен быть крайне несчастливым человеком. Однако к своим двадцати семи годам парень не чувствовал ни пустоты в сердце, ни разочарования, ни праведного возмущения. Трудясь с утра до ночи на работе, которая не приносила ему ничего, кроме головной боли, он со временем начал относиться к своей жизни с философским безразличием. Сначала он очень старался, был активным, исполнительным и верил, что вот-вот все сложится, его заметят, он пойдет по карьерной лестнице, и настанет то время, когда он сможет вальяжно сидеть в кресле напротив собственного бассейна и попивать коктейль. Но попи-

ЖИЗНЬ И ОДНИ СУТКИ

вал Саня максимум кофе в обеденный перерыв и то не всегда. Ведь на большее не хватало ни времени, ни денег. Серые будни офисных крыс текли день за днем, и со временем Евлантьев стал относиться к своей жизни с истинным мазохизмом. Эта постоянная нервотрепка и безденежье все чаще стали вызывать в нем не отчаяние, а безрадостную иронию.

Впрочем, Саня Евлантьев не стыдился своей бедности, ведь даже сам Дмитрий Медведев публично признался, что денег у него нет, и повелел держаться. А если уж денег нет у самого премьер-министра, то чего говорить о простом офисном работнике. И Саня держался, как только мог.

С понедельника по пятницу Евлантьев пахал менеджером в компании «БараноFF». Ну не пахал, конечно, а отбывал срок. Если бы баран-начальник платил работникам хотя бы десятую часть тех денег, которые он вбухивал в свои золотые «ролексы» и «бланкпайны», то Саня бы ни в чем не нуждался.

По воскресеньям приходилось таскать на складе тяжелые ящики с продуктами, и все для того, чтобы люди потом ели эту дрянь, набитую консервантами и прочей химией, но зато красиво завернутую.

В итоге лишь суббота имела честь быть выходным днем. Однако Саня настолько уматы-

вался за неделю, что суббота, как правило, незаметно пролетала во сне.

Всего Евлантьев получал около пятидесяти тысяч в месяц. Сумма приемлемая для молодого человека, не обремененного женой, детьми и прожорливыми друзьями. И все же Саня хотел получать как минимум в два раза больше. Не из жадности, а просто потому, что иначе не выжить. Ведь эта скромная и тесная квартира в Люблино была куплена в ипотеку, а на автомобиль «ауди» пришлось взять кредит. Сложнее всего дело обстояло с ипотекой. Ипотека ведь валютная...

К тому же была Вера. Пожалуй, единственный человек, в отношении которого Саня хранил в своем сердце позитивные эмоции.

А ведь в юности Евлантьев не был дуралеем и лоботрясом, вроде остальных ребят. Он прилежно учился в школе, а потом закончил академию по направлению «менеджмент». Но ввали учителя и преподаватели, говоря, что будущее за отличниками. Саня свято верил в это до окончания бакалавриата, но потом все почему-то перевернулось с ног на голову. Отличники пошли работать стажерами за три копейки. И это при лучшем раскладе, ведь самые невезучие в итоге оказались в сети «Макдональдс». И не в качестве пожирателей фастфуда, а в должности его изготовителей.

ЖИЗНЬ И ОДНИ СУТКИ

А те несмышлёные, но богато одетые ребята, кого учителя всю жизнь называли двоечниками, в результате стали крупными предпринимателями и бизнесменами. Многие так и вовсе преобразовались в государственных деятелей, в том числе сотрудников ФСБ, депутатов и судей. Выходит, не оценки влияли на судьбу человека, и не ум, и не способности, а что-то куда более приземленное и, говоря без намеков, материальное. Как же так, господа педагоги? Зачем вы нас обманывали?

Саня часто думал и задавал в пустоту эти вопросы, но так и не получал ответа. Высшее образование не пригодилось ему ни разу в жизни. Но в анкетах и резюме приходилось заполнять целую строку про вуз и специальность, тратить время на марианье бумаги, которую все равно прочтут сквозь пальцы.

Окончив вуз, Саня несколько лет назад переехал из родного Екатеринбурга в Москву, где и устроился сразу на три работы. Крутился, как мог. Днем работал администратором в консалтинговой кампании. Вечером по несколько часов заманивал клиентов в магазин одежды, работая консультантом. А по воскресеньям трудился грузчиком на складе.

Поначалу Саня арендовал комнату, потом снял квартирку в Люблино, а затем узнал, что хозяин хочет ее продать. К тому времени Ев-

лантьев уже работал в солидной фирме «БараноFF» и получал 1500 долларов. Денег на свою квартиру, конечно, Сане не хватало, но он все же решился на ипотеку.

А потом началась банковская волокита. Она напоминала взаимоотношения с девушкой. Сначала непродолжительный конфетно-букетный период, когда тебя любят и улыбаются в глаза, потом первое охлаждение в отношениях, когда ты понимаешь, что все не так идеально, как казалось вначале, затем период ссор и скандалов, когда в тебя порой могут и кастрюлю швырнуть, ну и, наконец, заключительный этап, когда происходит взрыв, и, к сожалению, взрыв не только в отношениях, но и в твоей замученной психике.

Саня был близок к последнему периоду. Ведь ипотеку он взял валютную (решил сэкономить на процентах). Сначала Сане хватало денег на оплату кредита и ипотеки, но в 2014 году долбанул кризис, и доллар подорожал в два раза, а зарплата осталась прежней, в рублях. И денег стало не хватать! Пошли просрочки. За кредит уже не раз начислялись пени, а про ипотеку лучше вообще не говорить. Быть может, если не произносить страшное слово «ипотека», то и его суть сама собой забудется? Но, к сожалению, у сотрудников банка была хорошая память.

ЖИЗНЬ И ОДНИ СУТКИ

Последние годы жизнь Сани превратилась в долговой ад и кутерьму из-за поиска денег. Евлантьев платил, как мог, но задолженность росла, и банк уже грозил судом и отъемом квартиры.

Ни дня не проходило без требовательного звонка в дверь. Коллекторы, судя по всему, прописались в коридоре перед дверью Евлантьева. Создавалось впечатление, что им попросту негде жить, вот они и просят погреться. Уже ведь не май месяц, на улице прохладно. Сентябрь не отличался особой кровожадностью, но и бабье лето было совсем не бабьим.

* * *

В дверь позвонили. Саня мрачно усмехнулся. Ну, вот опять! Стоило лишь подумать, и опричники уже здесь. Мысли, что ли, читают?

Евлантьев сначала решил не открывать и, как обычно, включить на ноутбуке «Вопли Видоплясова», чтобы паразитам было не так уж грустно стоять в коридоре. Однако сегодня как раз была суббота, а по выходным Саню посещало хорошее настроение, а вместе с ним и тяга к общению. Поэтому Евлантьев решил поздороваться с гостями.

— Денег нет, но вы держитесь! — заорал Саня, подходя к двери.

Но вместо привычной ругани на лестничной клетке послышалось бормотание. Кажется, это были не коллекторы. Саня открыл дверь и увидел сухонькую старушку.

— Тетя Тамара, здравствуйте! — радостно приветствовал Евлантьев.

Но бабушка не разделяла его оптимизма. Ее взгляд был сердит, а морщинистые пальцы сжаты в кулаки. Да и сам факт того, что бабка преодолела долгий путь в десять шагов от своей квартиры до двери Евлантьева, говорил о ее серьезном настрое.

— Это к тебе, поганец, вчера бандюки приходили? Всю ночь громыхали на лестнице!

Саня наморщил лоб, как бы вспоминая. Да, действительно, это к нему вчера вечером коллекторы приходили в составе четырех человек. Опять пытались выбить долги при помощи магии русского мата. Правда, это было не ночью, а вечером. Но для вековой бабки что ночь, что вечер — все одно, темно же.

— Нет, тетя Тамара, ну что вы! Это не ко мне, это к Игорю приходили, — доложил Саня, искренне улыбаясь. — Всю ночь долбил и сверлил, уродец!

— Да при чем тут сверлил! — прошамкала бабка. — Я голоса слышала! Слова ругательные!

— Так ему надоело одному сверлить. Вот он друга и позвал. Всю ночь потом сверлили

ЖИЗНЬ И ОДНИ СУТКИ

вдвоем. Сначала один посверлит, потом другой. А затем Игорь что-то не то просверлил и начал орать на весь дом.

— Вот сукин сын! — констатировала старушка. — А я ж из-за этого ирода всю ночь уснуть не могла. Только под утро задремала, да так крепко, что «Мухтара» проспала. Слушай, Саш, а че Игорь там сверлит-то?

— Не знаю, тетя Тамар, — развел руками Саня. — С утра до ночи сверлит и сверлит. А куда он этот проход высверливает, непонятно. Но, судя по всему, напрямик в ад.

— Вот бес нечестивый, — возмутилась бабка. — Ну все, хана ему!

С этими словами она стала с бешеной для старухи скоростью подниматься по лестнице, и Саня понял, что опостылевшего соседа он теперь долго не услышит.

Евлантьев вернулся в полумрак своей однокомнатной квартиры. За эти жалкие двадцать пять квадратных метров ему приходилось ежемесячно отдавать более тридцати тысяч рублей. За автокредит — еще десять тысяч. Итого более сорока тысяч в месяц. Оставалось у него меньше десятки, и как он ни экономил, все время приходилось перезанимать. И долги росли, как снежный ком. Сначала банк ограничивался предупредительными звонками, потом стали начисляться пени и всякие неустойки, ну а в один прекрас-

ный день начались звонки в дверь. Оказалось, что за дело взялась служба внутренней безопасности банка.

В январе были приняты поправки к федеральному закону № 230, значительно ограничивающие полномочия лиц, занимающихся взысканием задолженностей. Поэтому теперь коллекторы вели себя осторожнее и хитрее. Они больше не пинали дверь ногами и не кричали на лестнице. Теперь они занимались лишь психологическим воздействием. Звонили много раз в день, бывало, и ночью. Но представлялись не коллекторами и не сотрудниками банка, а судебными приставами.

Саня платил, как мог, но и на них, и на себя денег не хватало. Самое возмутительное, что он пытался обговорить с банком вопрос о реструктуризации долга. Эта процедура позволила бы увеличить общий срок кредита и, соответственно, уменьшить сумму ежемесячных выплат. Однако банк отказал без объяснения причины.

Саня даже думал подать на них в суд, воспользовавшись этим предложением. Однако, узнав расценки адвокатов, ясно осознал, что он чужой на этом празднике жизни.

Интереснее всего было наблюдать, как коллекторы, требующие долг за квартиру, сталкиваются на лестнице с коллекторами, вымо-

ЖИЗНЬ И ОДНИ СУТКИ

гающими деньги за машину. В этом случае опричники либо начинали выяснять отношения между собой, и, как правило, побеждали «квартирщики», так как их доля была жирнее, либо пытались совместными усилиями выкуривать Саню из квартиры, но он никак не желал выкуриваться.

Саня оглядел комнатушку, в которой жил последние годы. Она была совершенно пуста, словно вакуум. Из мебели здесь осталась только икейская кровать и старенький телевизор, взгромоздившийся на стопку книг.

Последний год Саня иногда спасался продажей мебели. Но дело было не из легких. На «Авито» и «Юле» моментально продавалась различная электроника и бытовая техника, вроде микроволновок или посудомоечных машин. Но все это добро Саня продал еще в первый месяц. Хорошо расходились книги. Но Евлантьев не любил продавать их. Книги нужно читать, а не втюхивать кому-то за три копейки.

Мебель и посуда, купленные в денежные годы, продавались из рук вон плохо. К слову, письменный стол Саня продавал около трех месяцев и в итоге получил за него жалкие восемьсот рублей.

Теперь в многострадальной квартире Евлантьева осталось всего пять предметов интерьера: шаткая кровать, телевизор, заключенный ноут-